

Глава 2: Его Сестра

Он мог видеть закрученные узоры Маэса, черные как масло, стекающие по ее лицу от лба к шее, продолжавшиеся дальше разорванной ткани, покрывающей ее тело. Он знал, как они текли, как ленты обвивали кожу; он видел их на себе в своем отражении в воде. Это было доказательством его первородства, что он был ребенком, рожденным от земли. Это было доказательством его наследия, как и кровь в его венах.

У этого существа были те же самые Маэсы, украшающие его тело, но его лицо не было таким же, как у него; его форма не была такой же, как у него. Там, где он был силен со шкалой и мышцами, он был гладким и безволосым, со светлой кожей, которая не была родной для этих земель. Длинные волосы покрывали его голову, не черные, а ярко-красные, что было похоже на звезды в небе. Ее лоб был безрогим и покрыт блеском пота, руки тонкие и слабые. Его одежда отличалась от одежды кулуков, тех бандитов, которые бродили по краям Чужбин, чтобы изредка нападать на слабых и отставших. Он утверждал, что некоторые из них появились в новолуние, когда они забрели в его земли; их плоть была сладкой, а кровь густой и соленой. Это существо не было похоже на них; оно ошеломляло смертью и разложением. Она была хрупкой и разбитой, хрупкая кожа была порвана и бледнела на свету.

И она истекала кровью. Рваный разрез пробежал от нижнего живота до грудины, открывая всю грудь. Смертельная рана, почти во всех отношениях.

Осторожный и все еще шатающийся от бессмысленного страха, который потряс его разум, он проталкивал тело когтем, ничего не ожидая, но вместо этого получил легкий стон и подергивание в ответ. Шок пробежал по его телу, холодная щепка льда сбила его позвоночник. Потрогав ее лоб, понял, что температура была нормальной, был только легкий блеск пота. Он не знал, во что верить, что думать. Живот существа был вскрыт, и зловоние смерти наполняло ее, но все же она была жива. Это был удар, который должен был быть смертельным, но это не стало таковым.

Принюхиваясь к телу, он определил, что оно женского пола. Он отметил морщины, которые выравнивали её лицо и кости - тонкие руки, свидетельство тяжелой жизни - она была бы худее, чем он, если бы лежал вертикально. Ее груди были маленькими, и она только слабо пахла теплом для него, доказательство того, что он еще не созрел. Молодая, возможно, того же возраста, что и он, скорее всего, только десять с небольшим лет. Если она родилась от земли, как он, тогда они были связаны.

Он вздрогнул от мысли, чуждой ему концепции. Всю свою жизнь он никогда не видел такого, как он, никогда не видел другого со своими Маэсами. Родилась на земле, как и он. Его родня. Он искал в своем разуме слово, которое он никогда раньше не использовал. То, в котором он никогда раньше не нуждался. Оно было грубым и сухим, как его язык двигался грубо, неопределенно.

- Сестра.

Мысль пронзила его голову, чужая и неопределенная. Был еще один, похожий на него, один из его родственников. Он испытывал искушение оставить ее; на окраинах были убиты слабые. Это был закон, это был его закон. Но он колебался. Она была такой же, как он, рожденная от земли, и все же ее нельзя было убить. Она не умерла. Он хотел знать, почему. Он хотел научиться этому. И, возможно, не менее важно, что она была его сестрой. Она была его стаей, единственной семьей, которую он знал. Она была его кровью, и, возможно, его единственной кровью. Поэтому он решил, что только в этот раз, он позволит нарушительнице жить.

Решив это, он наклонился, чтобы посмотреть на нее поближе. Она была легкой, и ее тело не было похоже на тело охотника. Ее плоть была слабой и мягкой, кожа тонкая, как трава. Было бы просто разорвать ее шею. У нее были слабые ноги, тусклые глаза. У нее не было клыков, чтобы кусать, и рогов, чтобы бодать. Нет волос, чтобы защитить себя, нет когтей, чтобы поразить свою жертву. Она не была из далеких стран; она не выжила бы здесь ни дня, независимо от того, в чьих землях она находилась.

И все же, она не была мертва. Ее живот был вскрыт; ее разорванная грудь обнажилась и ее внутренности были открыты, но она все еще была жива. Кровь не текла, не свертывалась в ране, но ее сердце билось неровно и в ее легких было рваное дыхание, неглубокие вдохи. Жидкость в ее венах все еще текла, резко останавливаясь там, где ее сосуды разорвались. Как будто кровь игнорировала зияющую дыру в ее груди, перескакивая через разрез и продолжая течь в остальной её части. Присмотревшись, он увидел, что каждый раз, возможно, каждый десятый вздох, который он делал, был небольшой треск. Слабый фиолетовый, так же, как и те, что из Валежников, вылетел из ее плоти и дугой преодолевал воздух, прежде чем снова погрузиться в нее.

Не было запаха гнили, не было запаха гниения, но присутствие, которое это дало, было тем же самым. Его волосы встали дыбом, его мышцы дергались, поддаваясь инстинктам, и его тело реагировало на рану. Он шепнул об опасности. Он прошептал о смерти.

С осторожностью он медленно протянул вытянутый коготь, чтобы мягко прижаться к стороне раны. Когти коснулись так слегка, но все же появилась тонкая красная линия, яркая на фоне тускло-розовых ее внутренностей. Однако когда он посмотрел на порез, он увидел, что кровь не капала. Это были не бусинки, это даже не проявляло реакции, течет так медленно, как если бы это не было вскрыто.

Когда он ждал, кровь текла все ближе к порезу, который он сделал, прежде чем, наконец, сочилась, наконец, заметив рану. То, что обычно заняло бы мгновение, чтобы кровь попала в порез, заняло у нее больше минуты.

Тогда стало ясно, что она не умерла, что она просто продлила свою смерть в этом неестественном состоянии. То, что убило бы ее за считанные минуты, заняло бы больше времени, возможно, даже дней. Истинного времени он не знал, но знал, что придет в конце. Неважно, как медленно она умрет вот так.

Он не знал, как ей помочь. Ему никогда не нужно было исцелять такой большой порез, такую глубокую рану. Он никогда не понимал этого безумия, того же безумия, которое, казалось, было в ней. Безумие, которое заставило тени ожить - она использовала их, чтобы остановить клыки смерти. Он не знал, сработает ли что-то, что он пытался сделать, не знал, убьет ли он ее, когда попытается спасти ее. Но он был уверен в одном.

Если бы он оставил ее здесь, даже со странным безумием в ее плоти, она не смогла бы выжить.

Даже если медленно, его коготь все равно порезал ее. Если она пыталась достаточно сильно, если она была достаточно терпелива, что-то все еще разрывало ее на части. И он был уверен, что ее безумие имеет пределы, что оно не остановит кровотечение, если ее голову отнять от плеч. У нее не было возможности выжить, если бы он оставил ее нетронутой, если бы он оставил ее такой. Он должен был что-то сделать, но все это могло убить ее.

Но если она родилась от земли, как он, тогда у нее была та же кровь, что и у него. Когда он был ранен и вынужден прятаться, земля показала ему, как лечить, она научила его лизать раны и

ждать, пока его тело не исправится. Она показала ему, какие растения есть, показала ему, какую воду пить и чью плоть потреблять. Он доверил свое тело земле; это был дар земли ему - его наследство. Ей пришлось бы доверить земле тоже самое.

Грубо ворча, он принял решение. Он наклонился низко, чтобы попытаться переместить ее, нежно схватив руку когтями, не предназначенными для такого деликатного создания. Ее тело казалось больше растением, чем животным, больше похоже на травинку, чем на плоть. Он взял ее в свое логово, медленно преодолевая расстояние с неудобным весом на руках и изо всех сил пытаясь не разорвать ее рану дальше. Несмотря на долгую прогулку, рана осталась прежней, кровь текла мимо нее, как будто обрубленные вены остались целы. Все чаще он видел фиолетовое безумие. Оно мелькнуло между губами, потрескивая и бросаясь в воздух.

Она не издала ни звука, когда он положил ее на скалу. Если бы не биение сердца, которое он слышал, он бы подумал, что она труп. Ее лицо было абсолютно белым, совершенно без признаков жизни. Теперь безумие проскакивало быстрее, возможно, каждый второй вздох. Он знал, хотя и не был уверен, что ей осталось мало времени. Если бы он что-то попробовал, это нужно было делать сейчас.

Ища среди камней, он рылся в грязи и подлеске. Расставшись с растением и цветком, он переворачивал камни, всматриваясь в растительность. Тем не менее, по прошествии времени он все еще не нашел то, что искал, разочарование начало проникать в его кости. Каждый вздох был близок к смерти, и никогда не требовалось так много времени, чтобы найти его раньше. Это было редко, возможно, но не возмутительно.

Именно у старого упавшего дерева он нашел то, что искал: тонкую, желто-зеленую траву с широкими листьями и короткими, толстыми корнями. Она росла в небольших пучках, где была влажная грязь под скалой. Он пробовал горький и сухой вкус во рту, но он знал, что использует его.

Собрав горсть, он взял ее обратно в свою берлогу, держа в руке сверток, осторожно внес ее внутрь. Положив ее на землю, он сначала зализал рану. Его слюна очистит рану и начнет исцелять ее. Ему потребовалось некоторое время, чтобы очистить рану, и к концу металлический привкус крови наполнил его рот. Взяв траву, он разжевал ее в густую пасту, сопротивляясь желанию проглотить. Он обжег десны и испачкал зубы темно-желтым цветом, но он проигнорировал это. Сжимая края разреза вместе, он плевал разжеванной в кашу травой на рану, размазывая ее в линию, которая покрывала и удерживала рану на месте.

Безумие вспыхнуло, когда он коснулся ее, отбиваясь, как маленькие язычки пламени в ревушем ветру. Когда он коснулся его когтей, фиолетовый шипел и выпотрошил, осыпаясь в воздух, как пыль. В конце концов, безумия больше не осталось, и рана начала обильно кровоточить. Алое и малиновое соскользнуло на нижнюю часть мази, струясь по ее животу, прежде чем достигло земли рядом с ней.

Он беспокоился, что убил ее, что без ее безумия она исчезнет в одно мгновение. Тем не менее, кровотечение, казалось, закончилось так же быстро, как и пришло, и оно высохло, оставшись темной корочкой на ее коже. Растительная мазь быстро затвердела после того, как он выплюнул её изо рта, и это будет держать рану от гниения. То небольшое что он мог сделать для нее. Если бы это случилось, единственный способ спасти ее - вырезать живот. Как ни странно, он чувствовал, что даже у нее есть свои пределы.

Она не шумела, когда он делал свои исправления, и она не шумела, когда он поджигал. Он боялся, что она мертва в разуме - ничего, кроме мертвого веса, из которого он никогда ничего

не узнает. Попытка спасти ее вполне может стоить ему жизни, потому что у него было мало ресурсов. Заботиться о слабости на чужбине - значит помечать себя как живой труп.

Но ее потенциал был слишком велик. Она была стаей, и она могла избежать смерти. Для нее и для того, что она знала, это был риск, который стоит принять.

Он думал, пока он ел, рвал старое мясо с жадностью. В отдаленных странах, научиться её мастерству будет иметь смысл. Тем не менее, она должна была быть жива, чтобы рассказать ему свой секрет. Если она будет жить, ей понадобится еда. Мех скоро придет, и еще один рот будет еще хуже для него. Ему нужно будет охотиться. Но его стая уже была тонкой, и она только становилась тоньше. Взять больше от нее сейчас значило бы оставить его ни с чем после.

Решение наполнило его разум, когда он закончил есть, отрывая последнюю из костей и бросая останки за пределами своего логова на землю. Ему придется нарушить одно из правил, которые он знал с рождения. Он должен был пометить себя смертью.

Ему придется забрать чужие земли.

Глава 2: Его Сестра

Он мог видеть закрученные узоры Маэса, черные как масло, стекающие по ее лицу от лба к шее, продолжавшиеся дальше разорванной ткани, покрывающей ее тело. Он знал, как они текли, как ленты обвивали кожу; он видел их на себе в своем отражении в воде. Это было доказательством его первородства, что он был ребенком, рожденным от земли. Это было доказательством его наследия, как и кровь в его венах.

У этого существа были те же самые Маэсы, украшающие его тело, но его лицо не было таким же, как у него; его форма не была такой же, как у него. Там, где он был силен со шкалой и мышцами, он был гладким и безволосым, со светлой кожей, которая не была родной для этих земель. Длинные волосы покрывали его голову, не черные, а ярко-красные, что было похоже на звезды в небе. Ее лоб был безрогим и покрыт блеском пота, руки тонкие и слабые. Его одежда отличалась от одежды кулуков, тех бандитов, которые бродили по краям Чужбин, чтобы изредка нападать на слабых и оставших. Он утверждал, что некоторые из них появились в новолуние, когда они забрели в его земли; их плоть была сладкой, а кровь густой и соленой. Это существо не было похоже на них; оно ошеломляло смертью и разложением. Она была хрупкой и разбитой, хрупкая кожа была порвана и бледнела на свету.

И она истекала кровью. Рваный разрез пробежал от нижнего живота до грудины, открывая всю грудь. Смертельная рана, почти во всех отношениях.

Осторожный и все еще шатающийся от бессмысленного страха, который потряс его разум, он проталкивал тело когтем, ничего не ожидая, но вместо этого получил легкий стон и подергивание в ответ. Шок пробежал по его телу, холодная щепка льда сбила его позвоночник. Потрогав ее лоб, понял, что температура была нормальной, был только легкий блеск пота. Он не знал, во что верить, что думать. Живот существа был вскрыт, и зловоние смерти наполняло ее, но все же она была жива. Это был удар, который должен был быть смертельным, но это не стало таковым.

Принюхиваясь к телу, он определил, что оно женского пола. Он отметил морщины, которые выравнивали её лицо и кости - тонкие руки, свидетельство тяжелой жизни - она была бы худее, чем он, если бы лежал вертикально. Ее груди были маленькими, и она только слабо пахла теплом для него, доказательство того, что он еще не созрел. Молодая, возможно, того же

возраста, что и он, скорее всего, только десять с небольшим лет. Если она родилась от земли, как он, тогда они были связаны.

Он вздрогнул от мысли, чуждой ему концепции. Всю свою жизнь он никогда не видел такого, как он, никогда не видел другого со своими Маэсами. Родилась на земле, как и он. Его родня. Он искал в своем разуме слово, которое он никогда раньше не использовал. То, в котором он никогда раньше не нуждался. Оно было грубым и сухим, как его язык двигался грубо, неопределенно.

- Сестра.

Мысль пронзила его голову, чужая и неопределенная. Был еще один, похожий на него, один из его родственников. Он испытывал искушение оставить ее; на окраинах были убиты слабые. Это был закон, это был его закон. Но он колебался. Она была такой же, как он, рожденная от земли, и все же ее нельзя было убить. Она не умерла. Он хотел знать, почему. Он хотел научиться этому. И, возможно, не менее важно, что она была его сестрой. Она была его стаей, единственной семьей, которую он знал. Она была его кровью, и, возможно, его единственной кровью. Поэтому он решил, что только в этот раз, он позволит нарушительнице жить.

Решив это, он наклонился, чтобы посмотреть на нее поближе. Она была легкой, и ее тело не было похоже на тело охотника. Ее плоть была слабой и мягкой, кожа тонкая, как трава. Было бы просто разорвать ее шею. У нее были слабые ноги, тусклые глаза. У нее не было клыков, чтобы кусать, и рогов, чтобы бодать. Нет волос, чтобы защитить себя, нет когтей, чтобы поразить свою жертву. Она не была из далеких стран; она не выжила бы здесь ни дня, независимо от того, в чьих землях она находилась.

И все же, она не была мертва. Ее живот был вскрыт; ее разорванная грудь обнажилась и ее внутренности были открыты, но она все еще была жива. Кровь не текла, не свертывалась в ране, но ее сердце билось неровно и в ее легких было рваное дыхание, неглубокие вдохи. Жидкость в ее венах все еще текла, резко останавливаясь там, где ее сосуды разорвались. Как будто кровь игнорировала зияющую дыру в ее груди, перескакивая через разрез и продолжая течь в остальной её части. Присмотревшись, он увидел, что каждый раз, возможно, каждый десятый вздох, который он делал, был небольшой треск. Слабый фиолетовый, так же, как и те, что из Валежников, вылетел из ее плоти и дугой преодолевал воздух, прежде чем снова погрузиться в нее.

Не было запаха гнили, не было запаха гниения, но присутствие, которое это дало, было тем же самым. Его волосы встали дыбом, его мышцы дергались, поддаваясь инстинктам, и его тело реагировало на рану. Он шепнул об опасности. Он прошептал о смерти.

С осторожностью он медленно протянул вытянутый коготь, чтобы мягко прижаться к стороне раны. Когти коснулись так слегка, но все же появилась тонкая красная линия, яркая на фоне тускло-розовых ее внутренностей. Однако когда он посмотрел на порез, он увидел, что кровь не капала. Это были не бусинки, это даже не проявляло реакции, течет так медленно, как если бы это не было вскрыто.

Когда он ждал, кровь текла все ближе к порезу, который он сделал, прежде чем, наконец, сочилась, наконец, заметив рану. То, что обычно заняло бы мгновение, чтобы кровь попала в порез, заняло у нее больше минуты.

Тогда стало ясно, что она не умерла, что она просто продлила свою смерть в этом неестественном состоянии. То, что убило бы ее за считанные минуты, заняло бы больше

времени, возможно, даже дней. Истинного времени он не знал, но знал, что придет в конце. Неважно, как медленно она умрет вот так.

Он не знал, как ей помочь. Ему никогда не нужно было исцелять такой большой порез, такую глубокую рану. Он никогда не понимал этого безумия, того же безумия, которое, казалось, было в ней. Безумие, которое заставило тени ожить - она использовала их, чтобы остановить клыки смерти. Он не знал, сработает ли что-то, что он пытался сделать, не знал, убьет ли он ее, когда попытается спасти ее. Но он был уверен в одном.

Если бы он оставил ее здесь, даже со странным безумием в ее плоти, она не смогла бы выжить.

Даже если медленно, его коготь все равно порезал ее. Если она пыталась достаточно сильно, если она была достаточно терпелива, что-то все еще разрывало ее на части. И он был уверен, что ее безумие имеет пределы, что оно не остановит кровотечение, если ее голову отнять от плеч. У нее не было возможности выжить, если бы он оставил ее нетронутой, если бы он оставил ее такой. Он должен был что-то сделать, но все это могло убить ее.

Но если она родилась от земли, как он, тогда у нее была та же кровь, что и у него. Когда он был ранен и вынужден прятаться, земля показала ему, как лечить, она научила его лизать раны и ждать, пока его тело не исправится. Она показала ему, какие растения есть, показала ему, какую воду пить и чью плоть потреблять. Он доверил свое тело земле; это был дар земли ему - его наследство. Ей пришлось бы доверить земле тоже самое.

Грубо ворча, он принял решение. Он наклонился низко, чтобы попытаться переместить ее, нежно схватив руку когтями, не предназначенными для такого деликатного создания. Ее тело казалось больше растением, чем животным, больше похоже на травинку, чем на плоть. Он взял ее в свое логово, медленно преодолевая расстояние с неудобным весом на руках и изо всех сил пытаясь не разорвать ее рану дальше. Несмотря на долгую прогулку, рана осталась прежней, кровь текла мимо нее, как будто обрубленные вены остались целы. Все чаще он видел фиолетовое безумие. Оно мелькнуло между губами, потрескивая и бросаясь в воздух.

Она не издала ни звука, когда он положил ее на скалу. Если бы не биение сердца, которое он слышал, он бы подумал, что она труп. Ее лицо было абсолютно белым, совершенно без признаков жизни. Теперь безумие проскакивало быстрее, возможно, каждый второй вздох. Он знал, хотя и не был уверен, что ей осталось мало времени. Если бы он что-то попробовал, это нужно было делать сейчас.

Ища среди камней, он рылся в грязи и подлеске. Расставшись с растением и цветком, он переворачивал камни, всматриваясь в растительность. Тем не менее, по прошествии времени он все еще не нашел то, что искал, разочарование начало проникать в его кости. Каждый вздох был близок к смерти, и никогда не требовалось так много времени, чтобы найти его раньше. Это было редко, возможно, но не возмутительно.

Именно у старого упавшего дерева он нашел то, что искал: тонкую, желто-зеленую траву с широкими листьями и короткими, толстыми корнями. Она росла в небольших пучках, где была влажная грязь под скалой. Он пробовал горький и сухой вкус во рту, но он знал, что использует его.

Собрав горсть, он взял ее обратно в свою берлогу, держа в руке сверток, осторожно внес ее внутрь. Положив ее на землю, он сначала залил рану. Его слюна очистит рану и начнет исцелять ее. Ему потребовалось некоторое время, чтобы очистить рану, и к концу металлический привкус крови наполнил его рот. Взяв траву, он разжевал ее в густую пасту,

сопротивляясь желанию проглотить. Он обжег десны и испачкал зубы темно-желтым цветом, но он проигнорировал это. Сжимая края разреза вместе, он плевал разжеванной в кашицу травой на рану, размазывая ее в линию, которая покрывала и удерживала рану на месте.

Безумие вспыхнуло, когда он коснулся ее, отбиваясь, как маленькие язычки пламени в ревущем ветру. Когда он коснулся его когтей, фиолетовый шипел и выпотрошил, осыпаясь в воздух, как пыль. В конце концов, безумия больше не осталось, и рана начала обильно кровоточить. Алое и малиновое соскользнуло на нижнюю часть мази, струясь по ее животу, прежде чем достигло земли рядом с ней.

Он беспокоился, что убил ее, что без ее безумия она исчезнет в одно мгновение. Тем не менее, кровотечение, казалось, закончилось так же быстро, как и пришло, и оно высохло, оставшись темной корочкой на ее коже. Растительная мазь быстро затвердела после того, как он выплюнул её изо рта, и это будет держать рану от гниения. То небольшое что он мог сделать для нее. Если бы это случилось, единственный способ спасти ее - вырезать живот. Как ни странно, он чувствовал, что даже у нее есть свои пределы.

Она не шумела, когда он делал свои исправления, и она не шумела, когда он поджигал. Он боялся, что она мертва в разуме - ничего, кроме мертвого веса, из которого он никогда ничего не узнает. Попытка спасти ее вполне может стоить ему жизни, потому что у него было мало ресурсов. Заботиться о слабости на чужбине - значит пометать себя как живой труп.

Но ее потенциал был слишком велик. Она была стаей, и она могла избежать смерти. Для нее и для того, что она знала, это был риск, который стоит принять.

Он думал, пока он ел, рвал старое мясо с жадностью. В отдаленных странах, научиться её мастерству будет иметь смысл. Тем не менее, она должна была быть жива, чтобы рассказать ему свой секрет. Если она будет жить, ей понадобится еда. Мех скоро придет, и еще один рот будет еще хуже для него. Ему нужно будет охотиться. Но его стая уже была тонкой, и она только становилась тоньше. Взять больше от нее сейчас значило бы оставить его ни с чем после.

Решение наполнило его разум, когда он закончил есть, отрывая последнюю из костей и бросая останки за пределами своего логова на землю. Ему придется нарушить одно из правил, которые он знал с рождения. Он должен был пометить себя смертью.

Ему придется забрать чужие земли.

<http://tl.rulate.ru/book/15480/309836>